

УДК 821. 091

И.В. Разуменко

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦЕПЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ – Ж. САНД, И.С. ТУРГЕНЕВ, Э. ЗОЛЯ

Взаимосвязи русской литературы, и прежде всего, И.С. Тургенева (1818–1883) с европейской, в частности, с французской литературой, с выдающимися писателями Франции 2-ой половины XIX века Ж. Санд, П. Мериме, Г. Флобером, Г. де Мопассаном, Ж. и Э. Гонкурами, Э. Золя – один из важных аспектов изучения мировых литературных взаимодействий. Французские писатели-современники высоко ценили мастерство И.С. Тургенева, глубоко и всесторонне изображавшего жизнь разных слоев общества, а также учились у него как у выдающегося мастера психологического романа.

В известных книгах и статьях, во множестве научных публикаций М.П. Алексеева [1], М. Клемана [5], Л.В. Пумпянского [13], С. Рейсера [14] и др. прослеживается значительная роль И.С. Тургенева в пропаганде русской литературы на Западе и французской литературы в России. Многие произведения И.С. Тургенева переведены на все европейские языки, высокое достоинство их признано лучшими европейскими критиками.

В свете сегодняшних научных перспектив, базирующихся на более глубоком и всестороннем исследовании взаимосвязей мировой литературы, свободной от вульгарно-социологических наслоений, которых не избежали некоторые исследователи – М.П. Алексеев [1], Н.С. Никитина [9], Л.В. Пумпянский [13], Г.А. Тиме [19] и др., давших облегченную и заниженную оценку «культуре буржуазного упадка», некоторые подходы к творчеству выдающегося классика русской литературы требуют пересмотра или уточнений.

Актуальность статьи вызвана необходимостью рассмотрения литературной преемственности русских и французских писателей, характерной для XIX века. Многие темы, поднятые в то время, остаются актуальными и сегодня. Например, присущий творчеству

Тургенева, несмотря на свойственный ему скептицизм, отказ от максимализма и насилия в индивидуальной неповторимости проходящих исторических явлений, особого чувства времени, его неумолимого и стремительного движения, в конце концов, в его вере в гуманизацию человеческого существования.

Несмотря на то, что творчеству И.С. Тургенева посвящено немало современных работ, однако их авторы – Н.Н. Мостовская и Н.С. Никитина [8] и др. – анализируют в основном наиболее популярные, известные, программные произведения писателя. Также современными исследователями Б.И. Есиным [2], З.М. Потаповой [11], А. Пузиковым [12] академически рассматривается и французский писатель Э. Золя. Однако тема литературной преемственности между русскими и французскими писателями – Ж. Санд, И.С. Тургеневым, Э. Золя – не была предметом отдельного исследования.

Цель статьи состоит в том, чтобы сходство писателей в литературной преемственности рассмотреть как вытекающее из общих особенностей европейской социальной и культурной жизни второй половины XIX века.

Мы полагаем, что в бурные исторические эпохи, подобные той, какую переживают ее современники, каждый отдельный человек не может оставаться в стороне от жизни всего человечества, и поэтому его судьба, история его любви или ненависти, приобретает важный общественный смысл. В поступательном движении исторических событий конца XIX–XX века таится огромный документальный материал, который, наряду с инстинктами разрушения и насилия, сохранил свою притягательную силу для созидания, для исследования творчества Жорж Санд, Золя, Тургенева. И сегодня продолжается изучение типологических проблем: сходство образов тех или иных героев, наличие близких или родственных ситуаций и связей, герои произведений незримо присутствуют и участвуют в нашей общественно-политической и культурной жизни в начале XXI века.

Следует отметить, что между 1860 и 1890 годами Тургенев был одним из наиболее популярных писателей, получившим всеобщее признание. Только после того, как европейские читатели

«приохотились» к русскому вкусу, «европейская проза» Тургенева стала восприниматься как «чересчур европейская, недостаточно экзотическая», отмечает швейцарский исследователь, профессор Петер Бранг. Он усматривает причину популярности Тургенева на Западе преимущественно в его «космополитическом мироощущении» и в его «скептическом либерализме» [22].

Естественно, что не так, как в XIX столетии, но все же и теперь Жорж Санд, Золя, Тургенев, в свое время провозгласившие великие цели, по-своему истолковав притягательную силу исторических событий и иллюзорную правду, стали невольными участниками общественных преобразований. Восторженно встретив революцию 1848 года, Жорж Санд, подобно многим своим современникам, тяжело перенесла ее поражение.

Отношение к творчеству Жорж Санд (1804–1876) в России носило особый характер, многие писатели, в том числе и сам И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, литературные критики А. Григорьев, А. Скабичевский, М. Цебрикова, Г. Благосветлов и др. заявляли о признании ее таланта и преклонении перед ним. Для своих современников она стала совестью эпохи, и в год ее смерти Тургенев, выражая чувства нескольких европейских поколений, высоко оценил поэтику произведений Жорж Санд, назвав ее «одной из великих фигур современной литературы» [10, с. 37-38].

Интерес исследователей вызывают и взаимоотношения Тургенева с Эмилем Золя, чьи романы на родине не привлекли внимания взыскательной публики. В 1872 году молодой Золя познакомился с Тургеневым. Тургенев постоянно стремился к тому, чтобы как можно шире ознакомить Золя с достижениями русской культуры – театра, музыки, живописи.

В русской критике имя Золя упоминалось редко, хотя он и написал к этому времени «Мадлену Фера», «Терезу Ракен» и работал над циклом «Ругон-Маккары». Они не получили должного научного исследования в литературоведении того периода, талант Золя-писателя не признавался даже после опубликования лучших романов «Ругон-Маккаров», таких, как «Чрево Парижа», «Жерминаль», «Разгром».

Тургенев отдал должное смелому замыслу создания циклов «Рюгон-Маккаров», способствовал, по мере возможности, знакомству читателей с его романами, при этом неустанно проявлял заботу о воспитании молодого поколения, которого, в свою очередь, интересовала современная жизнь Франции: зарисовки нравов и обычаев французской молодежи, ее отношение к бракам, ее вкусы и пристрастия, театральные премьеры и парижская мода, входившие в моду морские купания и т.п. Но главное – Тургенев неустанно просвещал и знакомил общество с новейшими явлениями во французской литературе.

Нельзя считать, что взгляды Тургенева и Золя во всех отношениях совпадали. Этому не содействовали ни возраст, ни образование, ни политические воззрения, как утверждает В.Овчинников [10, с. 44]. Их связи и дружба определялись не только личностными взаимоотношениями учителя и ученика (особенно на первых порах), но и особенностями общественно-политической обстановки в России и Франции. В своих произведениях они показывали возникновение революционных настроений, намечали образы социальных бунтарей (Нежданов в «Нови» Тургенева и Суварин в «Жерминале» Золя), однако типы революционных деятелей у них различны.

Заслуживает внимания работа М. Клемана, утверждавшего, что образ Суварина возник в результате непосредственных контактов Золя с Тургеневым. «При работе над «Жерминалем» Золя действительно широко воспользовался сведениями, полученными в разговорах с Тургеневым, больше того – основные линии построения романа были навешаны беседами с автором «Нови», отмечал исследователь [5, с. 170]. В свое время для английского писателя-романиста Дж. Голсуорси «Дым» был романом, «определившим все его творчество», к такому выводу приходит Л.В. Пумпянский [13, с. 20]. В свете сегодняшних оценок фраза эта и точна, и неточна одновременно, но мысль об особом значении «Дыма» для Голсуорси является справедливой.

Безусловно, в переломные моменты литературного развития усиливается роль традиции: «каждое литературное направление в

известный период ищет своих опорных пунктов в предшествующих системах, – то, что можно назвать «традиционностью» [20, с. 281].

«Записки охотника» Тургенева, возможно, должны были бы показаться Жорж Санд созвучными по идее и содержанию ее «деревенским повестям» – «Чертово болото», «Маленькая Фадетта», роману «Странствующий подмастерье». Как известно, литература о крестьянах в середине XIX века была направлена в защиту ценностей деревенской жизни в противовес отчуждению человека в раннеиндустриальном обществе: идеализированный крестьянин – человек, не испорченный цивилизацией, глубоко чувствующий, обладающий врожденными нравственными инстинктами.

Пьер Гюгенен – положительный герой романа Жорж Санд «Странствующий подмастерье» (1840) – не фабричный рабочий, а столяр-ремесленник, фигура для того времени более типичная и традиционная (в русском переводе роман впервые вышел в 1865 году). Это был умный, красивый юноша, с привлекательной внешностью: «благородные, правильные черты его лица казались изваянными скульптором. Был он высок, превосходно сложен, крепок и мускулист, но голову имел небольшую, ноги и руки маленькие – сочетание, встречающееся в родовитых семьях, но для простолюдина не совсем обычное» [18, с. 13]. Образы идеализированных крестьян и рабочих, вышедших из народной среды, их уважительное отношение к труду, их чувство собственного достоинства вызывали симпатии европейского демократического читателя, взволнованного необычайным изображением нового человека-труженика, ставшего представителем всех неимущих классов.

Тургенев также изображает привлекательных, необычных и потому не типичных крестьян-крепостных «Хорь и Калиныч», «Ермолай и Мельничиха», поэтизирует своих героев. Тургенев не принимал упрощенности художественного языка Золя, не принял он и его романа «Земля», где показано, как тяжелые условия крестьянского быта пробудили в крестьянах низменные чувства: жадность, жестокость, скаредность, скопидомство и др. Немало различий у Тургенева

и Золя в изображении героев, их характеров, влияния обстоятельств на их развитие.

Полнота и разносторонность тургеневской характеристики героев, передача тончайших движений их души отсутствует у Золя, в произведениях которого характер формируется в зависимости от социальных обстоятельств. Безусловно, что далеко не равноценна в творчестве Тургенева и Золя передача психологии героев, элементы внутренней жизни персонажей Золя переданы не в диалектике движения, не является органической частью творческой манеры Золя и глубокий психологизм, характерный для Тургенева.

Как известно, интенсивное промышленное развитие конца XIX века привело к быстрым изменениям социальной структуры общества. В западноевропейской литературе на первый план выходит изображение пролетариата, ряды которого постоянно пополнялись ремесленниками и крестьянами, акцентировалось внимание на их беспросветной нужде, нищенски оплачиваемом труде и т.д.

Тургенев был абсолютно прав, полагая, что от общения Жорж Санд и Э. Золя с русскими читателями будет взаимная польза. Европейские интересы были вполне понятны в общем плане мировоззрения той эпохи, задачи эпохи в той или иной форме были в центре внимания произведений Жорж Санд, И.С. Тургенева и Э. Золя.

Благодаря критическим статьям по вопросам литературы в цикле «Парижские письма» (1875) Э. Золя получил большую читательскую аудиторию, расширил круг литературных явлений, с которыми соприкасался современный читатель, познакомил его с новыми направлениями в литературе. Вдумчивый читатель становился сопричастным в полемике и в ряде споров о статьях Золя – «ученика о великих учителях» – Бальзаке и Флобере, как-то: «Флобер и его сочинения» и «Флобер как писатель и человек», знакомил с творческими портретами Бальзака, Мюссе, Гюго, Жорж Санд, А.Дюма-сына [6, с. 12].

Многолетняя дружба связывала Тургенева с Жорж Санд. Тургенев с грустью воспринял весть о ее смерти, и посоветовал Золя написать о ее личности и творчестве. «Вы могли бы написать прекрасную

статью о ней» [6, с. 38]. Золя воспользовался советом, и вскоре в журнале «Вестник Европы» была опубликована его статья о Жорж Санд [3, с. 383-415]. Жорж Санд, полагал Золя, принадлежит к числу «романистов-идеалистов», изображающих жизнь такой, какой они хотят ее видеть. «Жорж Санд преображала любую реальность, к которой она прикасалась. Она создала некий воображаемый мир, мир, куда более справедливый, нежели тот, в котором мы живем, мир, по которому надо идти с закрытыми глазами и который становится тогда милым и трогательным, подобно видению, пригрезившемуся доброй душе» [4, с. 714]. В этом противопоставлении не было ничего сколько-нибудь принижающего писательницу, но несправедлив вывод: «Жорж Санд можно отнести к «прошедшему веку», поскольку ее творчество представляет собой «отжившую формулу», «против нее наука, против нее весь дух современности, и от этого соперничества ее произведения могут потускнеть», – к такому выводу приходит Золя [4, с. 748].

В статье о Жорж Санд Золя противопоставляет двух художников – Бальзака как художника-реалиста и Жорж Санд – как романиста-идеалиста. Полемичность статьи привела к спору вокруг творчества Жорж Санд, со многими положениями статьи не согласился и Тургенев. Демократическая критика также заявила о несогласии с утверждениями Золя о том, что Жорж Санд принадлежит к числу «романистов-идеалистов», изображавших жизнь такой, какой они хотят ее видеть, а ее творчество представляет собой «отжившую формулу» [4, с. 714].

Чуткий ко всему новому и современному, Тургенев никогда не пропагандировал идейно чуждых ему писателей. Он делал это по отношению лишь к тем, с кем его связывали не только личные симпатии, но и родственность эстетических и общественных позиций. Сама быстрота в смене новых общественных настроений вносила в творчество Жорж Санд и Тургенева особый оттенок драматизма, присущий их творчеству, но отличающийся, как у Тургенева, стремительной завязкой и неожиданной развязкой и, как правило, трагическими финалами в его произведениях.

Композиции их произведений состоят из событий, разворачивающихся не в одной причинно-временной плоскости, а происходящих в разных областях субъектного восприятия. Только на пересечениях этих сфер, в их взаимодействии образуется единство повествовательной ткани. Этот параллелизм повествовательных рядов, связанных между собою сюжетно, но соответствующих разным отрезкам повествовательного времени и разным сферам сознания героев, создает семантическую многослойность произведений. В них легко ощутить разнообразие людей в противоречивом единстве данного общества. В этих произведениях затрагиваются проблемы несправедливых законов буржуазного брака, свободы личности, союза между представителями разных классов как средство уничтожения сословных перегородок, бунт против общества и стремление найти новые пути к людям и к миру.

Изображение «тайнства души» у европейских писателей неотделимо от утверждения необъяснимости человеческой природы. Отметим постоянный и пристальный интерес и Жорж Санд, и Тургенева к парадоксальным явлениям психики, к странным поступкам, обстоятельствам, которые не всегда всемогущи и не всевластны, которые, однако, глубоко изнутри мотивированы. В романе Жорж Санд «Леоне Леони» (1835), одном из лучших ее романов «романтической фантазии» (выделено нами. – И.Р.), писательница впервые стремится соединить особенности психологического романа с романом сюжетным, изобилующим неожиданными ситуациями, происшествиями, резкими поворотами действия, загадками и тайнами. Это сочетание станет характерным для творческой манеры Жорж Санд.

Как известно, Ф.М. Достоевский называл свой реализм «*фантастическим*» потому, что опирался на сложные факты «душевной жизни человека» («Преступление и наказание», «Идиот», «Игрок», «Братья Карамазовы» и др.). Интерес к творческому наследию Достоевского, Толстого, Тургенева во Франции – явление достаточно стабильное.

Безусловно, писатели воспроизводят сложнейшие эмоционально-психологические нюансы состояния своих героев, внутреннюю

сложность и богатство человеческой натуры, их психологизму при-суща так называемая «импровизационность».

Начиная с 1830-х годов, в русской прозе темы приведений, духов, предсказаний и гаданий были одной из самых распространенных; тема игры с судьбой задается с точки зрения азартной игры, что не противоречило литературным традициям эпохи («Пиковая дама» А.С. Пушкина, «Фаталист» М.Ю. Лермонтова и др.). Пагубная страсть калечила многих людей того времени, в карты проигрывались не только целые состояния, но и люди.

В «романтической фантазии» романа «Леоне Леони» изображена таинственная, непреодолимая сила человеческих страстей, воплощенной в образе венецианца Леоне Леони, заядлого картежного игрока, с его преступными доходами, и любовная страсть юной доверчивой девушки из богатой семьи ювелира, Жюльетты, обманутой и обесчещенной Леоне Леони. Он циничен в своих поступках, хитер, готов ради достижения цели пойти на любой обман: «игрок за несколько часов из последних слоев общества поднимается в первые; за несколько часов он спускается туда, откуда он пришел, не меняя при этом ни позы, ни выражения лица, то король, то нищий, принц или раб»; «по силе, по мужеству, по преданности, по упорству любовник, в сравнении с игроком, лишь беспомощное дитя...» [17, с. 464].

В романе преобладает субъективно-исповедальный анализ душевной жизни героя, сделанный от его лица: «Игра – это страсть, пожалуй, еще более сильная, чем любовь», – рассуждает он и продолжает: «никогда женщины не могут внушить такой страсти. Золото обладает большей притягательной силой, нежели они, игрок же ежедневно жертвует своей честью – и, тем не менее, продолжает жить. Игрок страстен и стоек; он хладнокровно торжествует и хладнокровно терпит поражение» [17, с. 463].

Беспредельный эгоизм Леоне Леони, жажда покорить всех, с кем бы он ни соприкасался, несет смерть и разрушение. Герои произведения были арестованы как преступники, Жюльетта трагически погибает, выбросившись из окна. От рефлексии, направленной на

анализ личных переживаний героя, Жорж Санд идет к глубоким философским обобщениям: «существует некая тайная воля, некая магическая сила, которой мы подвластны» [17, с. 463].

Следует отметить, что параллельно с испытанием любовью женские образы в романах проходили трудное испытание «золотым тельцом», как например, в романах Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы», «Дикое счастье», в которых изображается трагический распад, разложение семьи под влиянием золота, семьи, искушенной «желтым дьяволом».

Отсюда начинается и путь к полному разложению, когда сами семейные устои уже расшатаны и несостоятельны, и даже приводят к возможности преступления. В своем роде это суровый способ испытания семейных основ на устойчивость и цельность золотом наряду с «испытанием человека смертью» (как у Л.Н.Толстого).

К концу века в русском и европейском обществе в аристократических и дворянских салонах продолжали набирать популярности и становились модными игры в покер, карточные игры, спиритизм, вера в предсказания, пророчества, (появление экстрасенсов), открывались игорные дома.

Небезосновательно утверждение, что неразрывная связь любовной темы с темой политической – характерная особенность западно-европейских романов XIX века. Тема любви-страсти проходит через все творчество И.С. Тургенева, Ж. Санд, Э. Золя. Ж. Санд поднимала множество актуальных проблем современной ей Франции. Тема любви, трактуемой как страсть, как свободное человеческое чувство, рвущееся из оков буржуазного брака-сделки в определенной мере осознается Тургеневым как личная тема, с нелегкой судьбой человека, дерзнувшего полюбить замужнюю женщину, известную певицу Полину Виардо. В 1831 году палатой депутатов во Франции было восстановлено право на развод, что помогло Жорж Санд, жене наполеоновского офицера Дюдевана, разорвать неудачный брак, переехать в Париж, влюбиться в юного писателя Жюль Сандо. В одном из своих романов она писала, что «если бы ослепленный страстью человек был хоть немного философом, то всякий счастливый

любovníк относился бы с необыкновенной учтивостью и великодушием к любовнику брошенному; однако страсть мешает этому, и человеку хочется владеть всем: не только настоящим, но и будущим, и прошлым» [15, с. 183-184].

Жорж Санд погружается в исследование сложного духовного мира человека, чья мысль вечно бодрствует в стремлении познать истину и достичь совершенства [17, с. 463]. «О истина, истина! Чтобы отыскать тебя, я спускалась в пропасти, от одного вида которых у самых храбрых людей кружилась голова. <...> Я становилась на колени перед всеми виселицами, меня сжигали на всех кострах, я падала ниц перед всеми алтарями. Я требовала от любви ее радостей, от веры – ее таинств, от страдания – его возвышающей силы...» [17, с. 399-400]. «Истина, истина! Ты не открылась. Десять тысяч лет ищу я тебя и до сих пор не нашла!» [17, с. 704-705].

На наш взгляд, это стремление к идеалу и высшему совершенству при осознании несовершенства мира и человека, при осознании недостижимости этого идеала и высшей гармонии на земле объединяет писателей демократического направления в литературе XIX века. Тургенев остался верен пониманию любви как «любящей души, что не может осуществиться в пределах земного природного круга» и в романах («Дворянское гнездо», «Отцы и дети»), и в повестях раннего и позднего периода («Первая любовь», «Ася», «Вешние воды», «Клара Милич», «Песнь торжествующей любви». В последних двух произведениях Тургенева любовь действительно пробуждает к жизни иррациональные, мистические силы, которые только ощущались подспудно в течение повседневной жизни, изображенной в повестях Тургенева [21, с. 35].

Общим в мировоззрении Жорж Санд и Тургенева было острое восприятие мира. И чем тревожнее и трагичнее становилась их любовь к жизни, к ее мимолетной красоте, тем острее они воспринимали этот мир. Их творчеству свойственно особое чувство времени и восприятие всего окружающего. Жорж Санд была убеждена в органичной связи между страданием и любовью: «Я страдаю – значит, я люблю и существую» [15, с. 213].

Драматичність сюжету, острота нравственої проблематики найбільше повно втілені в романі «Лукреція Флоріані» (1847) – історія нещасливої любові аристократа по походженню, князя Росвальда і бывшої актриси Флоріані – дочки рибачка Менапаче, одареної чистим, возвишеним і одночасно трагічним талантом. Нерівня по походженню рибачка, маюча чотирьох внебрачних дітей, «насмешлива і горда плебейка», чесна в любові і в житті – вона вище предрасудков епохи – психологічний роман о трагічній любові; зіткнення характерів в романі об'ясняється через конфлікт мировосприяття.

Сюжет роману зв'язують з історією відносин Жорж Санд і Шопена. Деякі основи для такої трактовки були, але важніше інше – будь-який персонаж її творів, перш за все, це художественний образ, вбравший в себе типові риси багатьох людей її покоління. Головні герої творів піддаються випробуванню любов'ю, перевіркою на суспільні переконання, трагічної розв'язкою, падінням. Любов, як і щастя, «буває різним, в кожному віці – своє» [15, с. 214].

Жорж Санд виросла в «культурному аристократичному гнізді», в дитинстві постигла його лицерну життя, нерівність серед: бабунка-аристократка, мати-плебейка. Але культурну серед письменниця бачить вільно. Це «не тільки быт, сім'я, образ життя і звички даного соціального шару, не тільки враження особистої життя, але і ідеологічні рухи епохи, визначаються станом суспільства і процесами, в ньому відбуваються. Ні Ораса, ні Жака, ні Лелії, героїв одноіменних романів, ні когось з тих людей, населяють її твори, не можна було б зрозуміти поза більшості закономірностей, виходящих далеко за межі побутового, соціального або культурного гнізда, в якому вони заховані і з якого вирвалися», зазначає Б. Рейзов [16, с. 27]. Щоб зрозуміти цю безмежність, необхідно включити людину в оточуючу його природну і суспільну серед. «Людина – це цілий світ, безмежний океан протиріччя і протилежностей,

убожества и величия, логики и нелепости», – таков вывод Жорж Санд [16, с. 27].

Мысли о неумолимо бегущем времени, о природной стихии, любви наиболее полно воплотились в повестях и романах Жорж Санд, Тургенева, Золя.

Поэтику Тургенева-художника характеризует и воспроизведение бытовой повседневности, и обращение к фантастике, символу. Его произведения привлекали и драматичностью сюжета, и острой нравственной проблематикой, и совершенством художественной формы. «Дворянское гнездо» – самый лиричный роман Тургенева, в котором он прощался с поэзией «дворянских гнезд». Напомним, что А.Н. Толстому (1883–1945) известность принесли повести об угасающих дворянских гнездах («Чудаки», «Хромой барин» и др.).

Тургенев не только летописец русской интеллигенции и певец «дворянских гнезд», в его произведениях можно найти и скепсис, и пессимизм, и глубокую философскую рефлексия. В сопоставлении с непостижимой красотой и равнодушием природы герои Тургенева и Жорж Санд осознают свою «эмоциональность». Только внутренне богатая личность одарена способностью познать противоречия или соответствия между природой и человеческой душой. Кажется, что природа в их произведениях выступает как некая роковая сила, которая таинственным образом вмешивается в жизнь героев. Органическое сплетение, слияние социальной и лирической тем составляют содержательную и структурную основу тургеневских романов, повестей Жорж Санд. В их раскрытии «особенно плодотворно сказывалось вольное дыхание «французских и русских сквозняков» (Дж. Голсуорси).

Таким образом, мы пришли к выводу, что прочные и многогранные личные и творческие связи Тургенева и крупнейших писателей Франции Жорж Санд и Э. Золя вписали яркие страницы в историю традиционных русско-французских литературных отношений, их европейская цепь литературной преемственности несомненна.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с анализом потенциальных литературных связей в описанной нами

европейской цепи Ж. Санд, И.С. Тургенев, Э. Золя. Нельзя считать изучение этого вопроса полностью завершенным, поскольку выявляются новые и новые факты их личных контактов, уточняются мотивы общности или несовпадения их взглядов по тому или иному вопросу.

Литература

1. Алексеев М.П. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе. Труды отдела новой русской литературы Института литературы АН СССР. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Вып.1. С.37—80.
2. Есин Б.И. Парижские письма Э. Золя в журнале «Вестник Европы». Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2014/6/parizhskie-pisma-e-zolya-v-zhurnale-vestnik-evropy/>
3. Золя Э. Жорж Санд и ее произведения. Вестник Европы, 1876. Кн.7. С. 383—415.
4. Золя Э. Собрание сочинений в 26 т. Т.25. М.: Художественная литература. 1966, 714 с.
5. Клеман М. Эмиль Золя. Л.: Гослитиздат, 1934. 304 с.
6. Кучборская Е.П. Эмиль Золя – литературный критик. М.: МГУ, 1978, 312 с.
7. Материалы Международной конференции «И.С. Тургенев и мировая литература», 17-19 октября 2018 г., ИМЛИ РАН. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. 116 с. URL: <http://imli.ru/images/pdf/turgenev-i-mirovaya-lit.pdf>
8. Мостовская Н.Н., Никитина Н.С. И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Ленинград: «Наука». 1990. 296 с. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Turgenev/Turgenev%20Voprosy%201990.pdf>
9. Никитина Н.С. Новое французское издание «Первой любви». Тургенев и его современники. Л.: Наука. 1977. С. 230—231.
10. Овчинников В.А. И.С. Тургенев и Э. Золя. К проблеме личных и творческих связей. Типологические схождения и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе XIX–XX вв. Красноярск, 1987. 120 с.
11. Потапова З.М. Натурализм. Французская литература второй половины XIX в.: Эмиль Золя. История всемирной литературы: в 8 тт. М.: Наука, 1983-1994. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl7/vl7-2882.htm>
12. Пузиков А. Эмиль Золя. URL: http://www.lib.ru/INPROZ/ZOLYA/zola0_1.txt_with-big-pictures.html
13. Пумпянский Л.В. «Дым». Историко-литературный очерк. И.С. Тургенев: Сочинения. М.–Л.: Госиздат. Т. IX. С. 5—20.

14. Рейсер С. Тургенев и Запад. Новый мир, 1943. № 10-11. С. 172—178.
15. Санд Ж. Лукреция Флориани. Мон-Ревеш. Л.: Худож. лит., 1976. 528 с.
16. Санд Ж. Собрание сочинений: в 9-ти тт. Под общ. ред. И. Лилеевой, Б. Реизова, А. Шадрина. Т 1. Л.: Худож. лит., 1971. 550 с.
17. Санд Ж. Собр. соч.: в 9-ти тт. Под общей редакцией И. Лилеевой, Б. Реизова, А. Шадрина. Т 2. Л.: Худож. лит., 1971. 718 с.
18. Санд Ж. Собр. соч.: в 9-ти тт. Под общей редакцией И. Лилеевой, Б. Реизова, А. Шадрина. Т 4. Л.: Худож. лит., 1972. 936 с.
19. Тиме Г.А. Работы немецких славистов о И.С. Тургеневе. Русская литература. Л., 1979. № 2. С.187—188.
20. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
21. Этова О.В. История русской литературы X–XX веков. Л.: СГУ, 2005. 150 с.
22. Brang P.I. S. Turgenev «Vater und Sohne». Der russische Roman. Dusseldorf. 1979. S. 134—160.

References

1. Alekseev, M.P. Turgenev – propagandist russkoy literature na Zapade [Turgenev – propagandist of Russian literature in the West] Trudy otdela novoy russkoy literature Instituta literature AN SSSR. Moskva-Leningrad: Iz-vo AN SSSR, 1948. Vyp.1. S.37-80.
2. Yesin, B.I. Parizhskie pisma E. Zolya v zhurnale «Vestnik Yevropy» [Parisian letters by E. Zola in the journal “Herald of Europe”]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2014/6/parizhskie-pisma-e-zolya-v-hurnale-vestnik-evropy/>
3. Zolya, E. Zhorzh Sand i ee proizvedeniya [Georges Sand and her works]. Vestnik Yevropy, 1876. Kn.7. s. 383-415.
4. Zolya, E. Sobranie sochineniy v 26 t. [Collected works in 26 t.]. T.25. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 1966, 714 s.
5. Kleman, M. Emil Zolya [Emil Zola]. Leningrad: Goslitizdat, 1934. 304 s.
6. Kuchborskaya Ye.P. Ėmil Zolya – literaturnyy kritik [Emil Zola – literary critic]. Moskva: MGU, 1978, 312 s.
7. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «I.S. Turgenev i mirovaya literatura» [Materials of the International Conference “I.S. Turgenev and world literature”]. 17-19 oktyabrya 2018 g., IMLI RAN. Moskva: IPO «U Nikitskikh vorot», 2018. 116 s. URL: <http://imli.ru/images/pdf/turgenev-i-mirovaya-lit.pdf>
8. Mostovskaya, N.N., Nikitina N.S. I.S. Turgenev. Voprosy biografii i tvorchestva [I.S. Turgenev. Questions of biography and creativity]. Leningrad: «Nauka». 1990. 296 s. URL: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Turgenev/Turgenev%20Voprosy%201990.pdf>

9. Nikitina, N.S. Novoe frantsuzskoe izdanie «Pervoy lyubvi» [New French edition of «First Love»]. Turgenev i ego sovremenniki. Leningrad: Nauka. 1977. S. 230—231.
10. Ovchinnikov, V.A. I.S. Turgenev i E. Zolya. K probleme lichnykh i tvorcheskikh svyazey [I.S. Turgenev and E. Zola. To the problem of personal and creative connections.]. Tipologicheskie skhozhdeniya i vzaimosvyazi v russkoy i zarubezhnoy literature XIX XX vv. Krasnoyarsk, 1987. 120 s.
11. Potapova, Z.M. Naturalizm. Frantsuzskaya literatura vtoroy poloviny XIX v.: Emil Zolya. [Naturalism. French literature of the second half of the 19th century: Emil Zola]. Istoriya vsemirnoy literatury: V 8 tomakh. Moskva: Nauka, 1983-1994. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl7/vl7-2882.htm>
12. Puzikov, A. Emil Zolya [Emil Zola]. URL: http://www.lib.ru/INPROZ/ZO-LYA/zola0_1.txt_with-big-pictures.html
13. Pumpyanskiy L.V. «Dym». Istoriko-literaturnyy ocherk [“Smoke”. Historical and literary essay]. I.S. Turgenev: Sochineniya. Moskva-Leningrad: Gosizdat. T. IX. S. 5—20.
14. Reyser, S. Turgenev i Zapad [Turgenev and the West]. Novyy mir, 1943. № 10-11. S.172—178.
15. Sand, G. Lukretsiya Floriani. Mon-Revesh [Lucretia Floriani. Mon Reves]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 1976. 528 s.
16. Sand, G. Sobranie sochineniy v 9-ti tt. [Collected Works in 9 vols.]. Pod obshchey redaktsiyey I. Lileevoy, B. Reizova, A. Shadrina. T 1. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 1971. 550 s.
17. Sand, G. Sobranie sochineniy v 9-ti tt. [Collected Works in 9 vols.]. Pod obshchey redaktsiyey I. Lileevoy, B. Reizova, A. Shadrina. T 2. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 1971. 718 s.
18. Sand, G. Sobranie sochineniy v 9-ti tt. [Collected Works in 9 vols.]. Pod obshchey redaktsiyey I. Lileevoy, B. Reizova, A. Shadrina. T 4. Leningrad: «Khudozhestvennaya literatura». 1972. 936 s.
19. Time, G.A. Raboty nemetskikh slavistov o I.S. Turgeneve [The works of German Slavists about I.S. Turgenev]. Russkaya literatura. Leningrad, 1979. № 2. S.187-188.
20. Tynyanov, Yu.N. Poetika. Istoriya literatury [Poetics. History of literature. Movie]. Kino. Moskva: Nauka, 1977. 576 s.
21. Etova, O.V. Istoriya russkoy literatury Kh-KhKh vekov [The history of Russian literature of the twentieth centuries]. Leningrad: SGU, 2005. 150 s.
22. Brang, P.I. S. Turgenev «Vater und Sohne». Der russische Roman. Dusseldorf. 1979. S 134-160.

Анотація

І.В. Разуменко. Європейська низка літературної спадкоємності – Ж. Санд, І.С. Тургенєв, Е. Золя

Взаємозв'язок І.С. Тургенєва з французькою літературою, з Ж. Санд, П. Меріме, Г. Флобером, Г. де Мопассаном, Ж. і Е. Гонкурами, Е. Золя – один з важливих аспектів вивчення світових літературних взаємовпливів. Мета статті полягає в тому, щоб схожість письменників в літературній спадкоємності розглянути як таку, що випливає із загальних особливостей європейського соціального та культурного життя другої половини XIX століття. У статті аналізується тема літературної спадкоємності між російськими та французькими письменниками – Ж. Санд, І.С. Тургенєвим, Е. Золя.

Ставлення до творчості Жорж Санд у Росії носило особливий характер, І.С. Тургенєв заявляв про визнання її таланту і його вподобання. Інтерес викликають і взаємини Тургенєва з Е. Золя, чий роман на батьківщині не привернули увагу вимогливої французької публіки. Тургенєв був абсолютно правий, вважаючи, що від спілкування Жорж Санд і Е. Золя з російськими читачами буде взаємна користь. Європейські інтереси були цілком зрозумілими в загальному плані світогляду тієї епохи, завдання епохи в тій чи іншій формі були в центрі уваги творів Жорж Санд, І.С. Тургенєва, Е. Золя.

Нерозривний зв'язок любовної теми з темою політичною, – характерна особливість західноєвропейських романів XIX століття. Різнобічні аспекти теми кохання проходять через усю творчість І.С. Тургенєва, Ж. Санд, Е. Золя. Тематика неблаганно стрімкого часу, стихійних сил природи, любові-пристрасті знайшла своє втілення в повістях і романах Жорж Санд, Тургенєва, Золя. У зіставленні з незбагненою красою й байдужістю природи герої Тургенєва і Жорж Санд усвідомлюють свою «емоційність». Органічне сплетіння, злиття соціальної і ліричної тем становлять змістову і структурну основу як романів І.С. Тургенєва, так і повістей Жорж Санд.

У роботі ми дійшли висновку, що міцні й багатогранні особисті й творчі зв'язки Тургенєва і талановитих письменників Франції Жорж Санд і Е. Золя вписали яскраві сторінки в історію традиційних російсько-французьких літературних взаємин.

Ключові слова: літературна наступність, Ж. Санд, І.С. Тургенєв, Е. Золя, російсько-французькі літературні відносини.

Аннотация

И.В. Разуменко. Европейская цепь литературной преемственности – Ж. Санд, И.С. Тургенев, Э. Золя

Взаимосвязи И.С. Тургенева с французской литературой, с Ж. Санд, П. Мериме, Г. Флобером, Г. де Мопассаном, Ж. и Э. Гонкурами, Э. Золя – один

из важных аспектов изучения мировых литературных взаимодействий. Цель статьи состоит в том, чтобы сходство писателей в литературной преемственности рассмотреть как вытекающее из общих особенностей европейской социальной и культурной жизни второй половины XIX века. В статье анализируется тема литературной преемственности русских и французских писателей – Ж. Санд, И.С. Тургенев, Э. Золя.

Отношение к творчеству Жорж Санд в России носило особый характер, И.С. Тургенев заявлял о признании ее таланта и преклонении перед ним. Интерес вызывают и взаимоотношения Тургенева с Э. Золя, чьи романы на родине не привлекли внимания взыскательной французской публики. Тургенев был абсолютно прав, полагая, что от общения Жорж Санд и Э. Золя с русскими читателями будет взаимная польза. Европейские интересы были вполне понятны в общем плане мировоззрения той эпохи, задачи эпохи в той или иной форме были в центре внимания произведений Жорж Санд, И.С. Тургенева, Э. Золя.

Неразрывная связь любовной темы с темой политической – характерная особенность западноевропейских романов XIX века. Разносторонние аспекты любви проходят через все творчество И.С. Тургенева, Ж. Санд, Э. Золя. Тематика неумолимо бегущего времени, стихийных сил природы, любви-страсти нашла свое полное воплощение в повестях и романах Жорж Санд, Тургенева, Золя. В сопоставлении с непостижимой красотой и равнодушием природы герои Тургенева и Жорж Санд осознают свою «эмоциональность». Органическое сплетение, слияние социальной и лирической тем составляют содержательную и структурную основу как тургеневских романов, так и повестей Жорж Санд.

В работе мы пришли к выводу, что прочные и многогранные личные и творческие связи Тургенева и крупнейших писателей Франции Жорж Санд и Э. Золя вписали яркие страницы в историю традиционных русско-французских литературных отношений.

Ключевые слова: литературная преемственность, Ж. Санд, И.С. Тургенев, Э. Золя, русско-французские литературные отношения.

Summary

I.V. Razumenko. European Chain of Literary Continuity of G. Sand, I.S. Turgenev, E. Zola

The relationship of I.S. Turgenev with the French literature, with G. Sand, P. Merime, G. Flober, G. de Maupassant, J. and E. Goncourts, E. Zola is one of the important aspects of studying world literary interactions. The purpose of the article is to consider the writers' similarity in literary continuity arising from the general features of European social and cultural life of the second half of the XIX

century. The article analyzes the theme of the literary continuity of Russian and French writers of G. Sand, I.S. Turgenev, E. Zola.

The attitude to the work of George Sand in Russia was of a special character, I.S. Turgenev declared the recognition of her talent and its admiration. It's interesting also the relationship between works by Turgenev with E. Zola. E. Zola's novels in his homeland did not attract the attention of the discerning French public. Turgenev was absolutely right believing that George Sand and E. Zola would communicate mutual benefits with Russian readers. The European interests were quite clear in the general plan of the worldview of that era. The tasks of the era in any form were in the center of attention of the works by George Sand, I.S. Turgenev, E. Zola.

The inseparable connection between the love theme and the political theme is a characteristic feature of the 19th century for west European novels. Versatile love aspects go through the works by I.S. Turgenev, G. Sand, E. Zola. The themes of running time inexorably, elemental nature forces, love as passion found the full embodiment in the stories and novels by George Sand, Turgenev, Zola. In comparison with the incomprehensible beauty and nature indifference, the characters of Turgenev and George Sand are aware of their "emotionality". The organic plexus, the fusion of social and lyrical themes constitute the substantial and structural basis of both Turgenev's novels and George Sand's stories.

In our work we came to the conclusion that the strong and many-sided personal and creative connections of Turgenev and the greatest French writers as George Sand and E. Zola inscribed bright pages to the history of traditional Russian-French literary relations.

Keywords: literary continuity, G. Sand, I.S. Turgenev, E. Zola, Russian-French literary relations.

Інформація про автора

Разуменко Ірина Василівна – кандидат філологічних наук, професор кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, 61168, Україна; e-mail: i.v.razum@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0002-3221-4340>.